

ФОАТ СУЛТАНБЕКОВ

ПОРТУГАЛЬСКИЕ МОТИВЫ

(из Луиса де Камоэнса)

Западный сонет и восточный напев

Имя португальского поэта Луиса де Камоэнса (Луиш Важ де Камойнш, ок. 1524–1580) не принадлежит к числу широко известных в России, хотя оно и упоминается в отечественных курсах по истории западноевропейской словесности, фигурирует вместе с переводами его произведений в отдельных антологиях, встречается в узкоспециализированных трудах. В самой Португалии день его смерти (10 июня) совпадает с Днём страны. Кроме того, учреждена премия Камоэнса за существенный вклад в развитие португалоязычной литературы. Известно и то, что один из университетов Лиссабона назван в честь Камоэнса, а на центральной площади столицы ему установлен бронзовый памятник.

Вполне понятно столь трепетное отношение португальцев к Камоэнсу! Он для них – носитель великого наследия, звено большой традиции, хранитель национальной души, основоположник литературного португальского языка.

В России Камоэнса знают мало, он совсем не на слуху, в отличие, к примеру, от Шекспира, при том, что в чём-то важном, смеем предположить, его художественный дар не уступает шекспировскому, во всяком случае – конкурирует с ним на равных правах (не в общем объёме написанного, а в качественной глубине созданного). Отнюдь не случайно русская послепетровская культура интересовалась им, пусть спорадически, несистемно, прерывисто, но всегда искренно и уважительно, от первого появления имени португальского классика в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) М.В.Ломоносова, робких попыток поэтического переложения Камоэнса через вторые руки (в основном, французские) до удачных переводов В.В.Левика, В.Е.Резниченко и О.А.Овчаренко в советское время, когда сложилась школа переводческого мастерства. (На излёте 1980-х годов был опубликован полный

русский перевод «Лузиады» – эпического шедевра Камоэнса, посвящённого событиям португальской истории и состоящего из 1102 восьмистиший-октав). Учтём и то, что родина Камоэнса – географическая окраина Европы, для России далёкая в той же мере, что и экзотическая Индия. К XVIII веку Португалия растратила величие некогда морской державы, несмотря на продолжавшуюся (по инерции) колонизацию африканского континента, южной Америки и берегов юго-восточной Азии.

Вот фон, на котором Камоэнс воспринимался читательской публикой. Отсюда – то, что в обстоятельствах объективной судьбы он был открыт и не отвергнут, заслуживает понимания, как минимум, признания той огромной роли, какую играла в диалогах культур «всемирная отзывчивость» русского человека.

Сонеты – излюбленный жанр Камоэнса. В них он, предтеча Шекспира в области сонетной лирики, следовал принципам, разработанным Петраркой, но и добавлял собственное, индивидуальное. Как Петрарка боготворил донну Лауру, так Камоэнс возносил до небес свою возлюбленную, скрывая её в различных именах (приём, начало которому положили старопровансальские трубадуры). Как для Петрарки новая любовная поэзия – место встречи христианского средневековья и языческой античности, так для Камоэнса сонет – перекличка библейских и греко-римских голосов. Одновременно с тем Камоэнс углублял Петрарку, психологизировал образы, давал им ёмкость и фактуру, облакая чувство в относительно лёгкие, воздушные краски и тона. Камоэнсовская Сеньора – идеал без остатка, средоточие красоты и ума. (У Шекспира, поборника антипетраркизма, образ смуглой Леди, напротив, отмечен чертами естественности, намеренной простоты, того, что преодолевает «фальшь» парадных описаний).

На русский язык сонеты Камоэнса переводились, однако стабильного обращения к ним не было. Тем примечательнее выглядит попытка осмыслить их в новейшем переложении, предпринятая Фоатом Султанбековым (род. в 1950 г.) – казанским математиком, художником, поэтом.

Подчеркнём, что в строгом смысле слова это – и не переводы, а именно авторские переложения, правда, не свободные, не связанные с игрой художественных мотивов. Свобода ограничивается здесь желанием точно передать идею Камознса, его пафос, сформулировать ведущую эмоцию. Правильно было бы сказать, что тексты Ф.Султанбекова располагаются на зыбкой границе оригинального переложения и переводного компилятивного конспекта. Сам автор называет своё изобретение «транс-рубаи», подводя, тем самым, под новый термин солидную научную методологию. «Уплотняя» 14 строк сонета в 4 строки рубаи, жанра средневековой персидской литературы, Ф.Султанбеков стремится сопоставить Запад и Восток, разрушить мнимую границу между ними, более того – прочесть западную культуру через восточный текст. Это не отменяет специфического элемента, как хочется думать поначалу, а лишь доказывает родство этнических душ, на разный лад рисующих одно и то же. Четырьмя годами ранее автор осуществил сопряжение культур Запада и Востока, прочтя Шекспира в стилистике Хайяма и Хайяма же открыв в шекспировском духовном свете: преобразив сонет в рубаи и наоборот (опыты опубликованы в книге Ф.Султанбекова «Хайям и Шекспир. Трансформации рубаи и сонета». – Казань: Отечество, 2012. – 296 с.).

Теперь черёд дошёл и до Камознса...

Можно верить в то, что со временем произойдёт дифференциация подхода, и Запад будет осмыслен не только через персидский Восток, но и через Восток индийский, так ощутимо близкий славянству благодаря его древним индоевропейским корням, или японский, когда смыслы сонета зазвучат в трёхстрочиях, похожих на мудрые хайку Басё, дальневосточного буддиста.

Ринат Бекметов, литературовед

* * *

О, можно ль скрыть за чёрной грубой тканью
Девичью прелесть взора, глубину сиянья?
Увидев Вас, кто не повержен был Амуром,

Кто не попал в силки наперекор желанью?!

* * *

В очах твоих я вижу вспышки яркой страсть!
Аония! Ты надо мной имеешь власть!
Безумец я! Терзаюсь мукой сладкой смерти...
Так мотылёк летит на свет сгореть и пасть.

* * *

Однажды Купидон, спасаясь от жары,
Прилёт, оставив лук и стрелы до поры...
Украли нимфа всё. Эй, пастухи, бегите!
Для сердца ж моего те стрелы не страшны.

* * *

Стрела Амура поразила Аполлона,
Того, кто змея мерзкого убил, Пифона.
Но если тщетно нимфу он прельстить желал,
Что, смертный, я могу, божественная Донна?

* * *

Во храме том, под дивный звон колоколов,
Мне ниспослал Вас он, незрячий из богов.
С тех пор душою славлю Вас, моя сеньора,
И всякий раз в моих стихах нет нужных слов.

* * *

Цепь синих гор и шум ручья среди тихих рощ,
Закат над морем, поле, стадо, лёгкий дождь...
Прекрасен мир! Но без Тебя так одиноко...

Свет меркнет, не слышна мне водопадов мощь.

* * *

Всё: облака, ручьи, зелёные дубравы
И пенье птиц для сердца юного – забавы.
Но музыку тех дней я сохранить не смог,
Коварству Купидона не нашёл управы.

* * *

В тот день, когда я был рождён, вошла заря,
Не добрый свет, а тьму моей судьбе даря.
Мир жил по-прежнему: толпа с утра сновала,
И каждому хотелось покорять моря.

* * *

В мир приходящие младенцы не равны:
Есть те, которым все возможности даны.
Но верю я, что выше – благо упований,
А гнев и зависть – искушение Сатаны.

* * *

Иаков был влюблён в Рахиль, что дочь Лавана,
Усердно пас его овец, вставая рано.
Лаван отдал ему в супруги Лию. Иаков
В тоске никак не мог забыть той страсти рану...

* * *

Друзья, меня приметив как-то в тихой скорби,
Сказали: «Он сойдёт с ума, быть может, вскоре».
Неправда! Беды я познал, но тем возвышен,
А образ Ваш – мне исцеление от хвори.

